

Отто Кифер

СЕКСУАЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ
В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Отто Кифер

Сексуальная жизнь в Древнем Риме

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607095

Сексуальная жизнь в Древнем Риме / Пер. с англ. Л.А. Игоревского.:

Центрполиграф; Москва; 2003

ISBN 5-9524-0359-X

Аннотация

В книге исследуется национальный характер древних римлян, на основании анализа взаимоотношения полов в Римской империи во времена правлений Цезаря, Августа, Калигулы, Нерона. Автор приводит интересные сведения о положении женщин в государстве, о брачных ритуалах и традициях истории костюма и украшений, косметики и красок. Также даны литературные портреты наиболее знаменитых римлян, раскрываются причины упадка древней цивилизации.

Содержание

Введение	4
Глава 1	15
1. Брак	15
2. Развод, супружеская неверность, безбрачие, конкубинат	52
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Отто Кифер

Сексуальная жизнь в Древнем Риме

Введение

Римские идеалы

Чтобы верно оценить место и роль морали в жизни какого-либо конкретного народа, необходимо знакомство с идеалами, на достижение которых направляет свои усилия этот народ. Хотя основа характера любых народов и рас мира единая – человеческие инстинкты, – сексуальная мораль на практике может быть одной, если в ее основе лежит философия позднего Ницше (что вполне возможно), и совершенно иной, если она основывается на доктринах христианской церкви Средневековья.

Историки и философы всегда пытались объяснить характер древних римлян путем сравнения и сопоставления их с другими типичными народами той эпохи – например, с греками или германцами. Мы и сегодня, следуя течению современной мысли, объясняем величайшие достижения римлян и Римского государства ссылкой на национальный характер

и закрепляем это объяснение, приписывая характер римлян к одному вполне определенному типу. С первого взгляда кажется, что для этого есть некоторые основания, так как римские авторы (особенно эпохи Августа) часто высказываются в том смысле, что римляне действительно подпадают под данную классификацию. В шестой книге «Энеиды» Вергилия (851) призрак Анхиза, заглядывая в будущее, предрекает задачу еще нерожденного римского народа:

Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагая условия мира,
Милость покорным являть и войною смирять
надменных!¹

Ливии, великий историк эпохи Августа, в предисловии к своей гигантской работе говорит: «Если какому-нибудь народу позволительно освящать свое происхождение, возводя его к богам, то военная слава народа римского такова, что, назови он своим предком и отцом своего родоначальника самого Марса, племена людские снесут и это с тем же покорством, с каким сносят власть Рима»². Такими возвышенными словами задачу и характер Рима описывали римляне эпохи Августа. Но следует помнить, что описывали они идеал, который еще предстояло воплотить. Делать вывод, что этот

---

¹ Вергилий. Энеида. (Перевод С. Ошерова. Далее цитируется в этом же переводе.)

² Тит Ливий. История города Рима. Книга I, предисловие, 7.

идеал иллюстрирует истинную натуру римлян, было бы такой же ошибкой, как и заключать, судя по ницшевскому «Заратустре», что сам Ницше обладал сильным и доминирующим характером. Мы постоянно сталкиваемся с тем, что философы и поэты объявляют идеалом такой характер, который им самим менее чем свойствен. Поэтому на основании слов Ливия и Вергилия нельзя делать вывод, что характер римлян раскрывался в насилии и завоеваниях.

Поэт Гораций высказывался о римлянах старой поры более осторожно. «То были дети воинов-пахарей» – так он называет их в «Одах» (iii, 6):

В полях ворочать глыбы привыкшие
Киркой сабинской, и по слову
Матери строгой таскать из леса
Вязанки дров в тот час, когда тени гор
Растянет солнце, снимет с усталого
Вола ярмо и, угоня
Коней своих, приведет прохладу³.

Гораций восхваляет это племя, хотя подвергает презрению его деградировавших потомков – своих современников: ведь именно оно победило Пирра, Антиоха и могущественный Карфаген, тем самым заложив основы мировой империи. В этом отношении Ливий согласен с Горацием: «Не было никогда государства... куда алчность и роскошь проник-

---

³ Перевод Н. Шатерникова.

ли бы так поздно, где так долго и так высоко чтили бы бедность и бережливость»⁴. Несложно отыскать цитаты и других авторов, которые подтверждали бы подобный взгляд на ранних римлян как на народ простых и скромных земледельцев. Итак, самые первые римляне, какими они смутно видятся на рассвете истории, вовсе не похожи на народ, рвущийся к власти, и еще менее – на народ, стремящийся покорить весь мир. Это было сообщество здравомыслящих, трудолюбивых, прагматичных крестьян.

Народу со здоровыми и примитивными инстинктами естественно было размножаться, резко увеличивая свою численность, и по этой причине стремиться к расширению своих территорий. Это неизбежно приводило к конфликтам с соседями, которые сперва были могущественнее Рима. Кроме того, нам сообщают, что нация земледельцев занялась также и торговлей и даже заключила торговые соглашения с Карфагеном, который в те времена был хозяином Западного Средиземноморья. Но по-прежнему мы не видим ни следа попыток доминировать, свойственных тем прирожденным завоевателям и строителям империи, которых нам советуют искать среди римлян. Следовательно, мы не вправе делать вывод о том, что психологически римляне были расой завоевателей.

Приходим к заключению, что в начальный период своей истории римлянин прежде всего был практичным человеком

---

⁴ *Ливий*. Там же, 11.

с примитивным и здравым разумом, который видел свой мир как место для простейшей и древнейшей деятельности цивилизованного народа – земледелия и животноводства. И весь его образ мышления был столь же примитивен, сколь и его жизнь. Любая отвлеченная деятельность – искусство, наука, философия – была еще недоступна ему. Этот народ не мог породить мыслителей, таких, как Фалес и Гераклит, художников, как Фидий, поэтов, как Алкей и Сафо. Но с самой ранней эпохи своего существования он должен был обладать примитивной верой в божественные силы, особенно в персонифицированные силы природы и в религиозный характер некоторых действий и обрядов. Легко понять, как подобный народ, проводящий все свое время в узком круге примитивных практических обязанностей, приобретает чрезвычайно сильную *волю к жизни*, для которой не свойственны малейшие следы отвлеченной мысли. Если подобная воля к жизни сталкивается с внешним противодействием, она сопротивляется изо всех сил, удваивается и учетверяется в своей мощи, находит удовольствие в успешной самозащите, затем от обороны переходит к наступлению, ищет и находит более широкие сферы и новые возможности для самореализации, выполнения своей задачи, повсюду навязывая свою волю слабым и побежденным. Таков процесс: народ, сражающийся за выживание, вначале становится завоевателем, а завоевание, как известно, ведет к созданию империи.

Но народ, пользующийся силой на протяжении веков, с

легкостью научиться и злоупотреблять ею. Это вытекает из природы данного процесса, вернее, из природы человека. Человек с самого момента своего появления на земле не был ангелом, скорее диким зверем. Можно сослаться на последнюю работу Шпенглера «Человек и техника», особенно на следующие слова: «Человек – это не добродушный простак, но и не антропоид со склонностью к технике, каким его описывает Геккель и изображает Габриэль Макс. Такое изображение – карикатура, на которую до сих пор падает плебейская тень Руссо. Напротив, вся жизнь человека – это жизнь храброго и великолепного, жестокого и хитроумного дикого зверя. Она проходит в охоте, убийствах и поглощении. Этот зверь существует – и поэтому он властвует». Столь откровенные слова правдивы лишь отчасти; но речь об этом пойдет позже. Сейчас важно, что они скорее относятся не к человечеству в целом, а к римской нации в том виде, какой она сформировалась в ходе истории.

Рим, постепенно возвысившись и достигнув блестящей вершины своего развития, создал величайшее доступное ему творение – гордую и с виду вечную империю. Но не следует забывать, как строилось это величественное сооружение. Оно покоилось на жестокой тирании, зверском умерщвлении людей и целых народов, на широкомасштабном и непрерывном кровопролитии. Мы уже говорили, что злоупотребление властью – естественное следствие господства правителя и завоевателя. И такие злоупотребления возникнут тем

скорее и неизбежное, если духовная конституция завоевателя не сможет их предотвратить, то есть если ему чужды элементы интеллектуальной или духовной жизни, уравнивающие волю, направленную лишь на сугубо прагматичные цели самосохранения и достижения власти.

Примерно ко времени окончательного поражения Ганнибала римляне начали вступать в контакт с царствами Восточного Средиземноморья. Когда эти контакты участились, Рим познакомился с греческой культурой, и она, как мы увидим в дальнейшем, оказала на него глубокое и разнообразное влияние, которое не всегда шло ему на пользу. Именно первые контакты с эллинизмом и завоевание великих богатых царств дали Риму возможность найти выход своим амбициям в новом проявлении – жажде наживы. С тех пор покоритель средиземноморских стран становится и их безжалостным эксплуататором. С тех пор, как мы покажем ниже, Рим затопили миллионы рабов, на хребтах которых держалась вся надстройка римского общества. (Эта надстройка с экономической точки зрения была смертельно опасна для собственного существования, так как не могла не обрушиться сразу же, как только исчезнет ее основа – иссякнет постоянный приток рабов.) Кроме того, «богатство привело за собою корыстолюбие, а избыток удовольствий – готовность погубить все ради роскоши и телесных утех», как говорит Ливий в своем предисловии⁵. С одной стороны, идеал вла-

---

⁵ *Ливий*. Там же, 12.

сти вел Рим к грубой эксплуатации мира, а с другой – к более зловещему явлению, к деградации, неизвестной грекам – к садизму, характерной черте римской сексуальной жизни, столь распространенному в имперский период.

Не хотелось бы утверждать, что жизнь римлян находила удовлетворение только в садизме и жестокостях. Контакты с Грецией привели к появлению римской литературы, которая в последующие столетия достигла большой утонченности. Был в Риме и небольшой слой богатых людей, чью жизнь, протекавшую среди покоя и культуры, нам не за что презирать, – об этой добродушной жизни дают представление некоторые строки Горация и письма Плиния Младшего. Но все же мы должны помнить, что большинство людей не интересовало ничего, кроме *panem et circenses* – хлеба и зрелищ, и что для многих богатых культурных римлян культура была всего лишь оболочкой, которая легко слетала, обнажая грубые и жестокие инстинкты крестьянина. Данные темы мы будем развивать и подробно рассматривать в следующих главах книги.

Естественно поэтому, что у римлян сексуальная жизнь принимала более грубые, чем у греков, формы. Римляне изначально были неотесанными крестьянами, прикованными к плугу и стойлу; затем они стали жестокими воинами; и наконец, горстка самых лучших и одаренных превратилась в государственных деятелей. Но для народа с подобной историей, для народа, почти никогда не проявлявшего реально-

го интереса к искусству, истории и философии, возвышенная и одухотворенная сексуальная жизнь, или ее развитие в духе видений Платона, была недоступна. Для римлян с их примитивным характером достаточно было направить свои сексуальные инстинкты в простейшее русло. В течение столетий брак означал для римлян суровый и чистый, но прозаический союз; вся власть в семье принадлежала мужу, который не задумывался над более утонченными возможностями секса. Помимо брака, в Риме с ранних времен существовал грубый и отталкивающий тип проституции, направленный практически лишь на удовлетворение чисто чувственных желаний. Об этом характерно высказывается Гораций в «Сатирах» (i, 2, 116):

Когда же ты весь разгорелся и если
Есть под рукою рабыня иль отрок, на коих тотчас же
Можешь напасть, ужель предпочтешь ты от похоти
лопнуть?

Я не таков: я люблю, что недорого лишь и доступно⁶.

Если Лихт в книге «Сексуальная жизнь в Древней Греции» прав, говоря о «преобладании чувственности в жизни греков», то мы имеем еще большее право допустить такое же преобладание чувственности у римлян.

Однако наше изображение римской жизни будет односто-

---

⁶ Перевод М. Дмитриева.

ронним, если мы забудем о поэзии. Драматурги Плавт и Теренций, лирики Катулл, Тибулл, Овидий, Проперций, Гораций, эпический поэт Вергилий – все они пытались, и часто не без успеха, соединить римскую силу с греческим изяществом и совершенством формы. В их многочисленных произведениях вырисовывается запоминающееся и впечатляющее отображение любовной жизни народа. Правда, изобразительное искусство в Риме не дало великих и независимых произведений, которые бы говорили о любви так же выразительно, как греческие вазы, или дышали тем же утонченным и чарующим эротизмом, как великолепные скульптуры Праксителя и других греческих мастеров. Единственная по-настоящему идеальная фигура в римской скульптуре, Антиной, возможно, появилась на свет благодаря гомосексуальным чувствам императора Адриана. Многочисленные стенные росписи в Помпеях и других местах выражают грубую и неприкрытую чувственность.

Попробуем подвести итоги. Римский характер в основе своей был прагматичным. Этот дух прагматизма приводил римлян в ряды крестьян, солдат, государственных деятелей и тем самым вызвал к жизни их величайшее достижение – империю. Позже, посредством контактов с греческим духом, прагматизм породил философскую мысль Цицерона и Сенеки и исторический гений Ливия и Тацита. Но в римском характере отсутствовали интеллектуальная и духовная основы истинной, оригинальной цивилизации, активно заявлявшие

о себе в греческом характере. Римская сексуальная жизнь шла параллельно этому развитию: сперва находя удовлетворение в простой, суровой и прозаической семейной жизни, развиваясь затем в более утонченные формы чувственности и деградируя до садизма, но всегда оставаясь инстинктивной и бездуховной. И все же, подобно могучей Римской империи, римская сексуальная жизнь иногда дает примеры величия, возможно отталкивающие, но неизменно впечатляющие.

Глава 1

Женщина в Риме

1. Брак

Моммзен в своей книге о римском уголовном праве пишет: «При исследовании начал человеческого развития мы обнаружим, что ни один народ не дал нам так мало информации о своих традициях, как итальянцы. Рим является единственным представителем итальянской расы, прошедшим историческое развитие; ко времени возникновения в нем истинных традиций он был уже высокоразвитой нацией, находившейся под сильным влиянием более высокой греческой цивилизации и возглавлявшей великий национальный союз городов-государств. В ранней истории Рима абсолютно нет неримских традиций. Даже для самих римлян эти отдаленные века покрыты мраком. Тщетно мы будем искать какие-либо воспоминания о возникновении и подъеме Рима как среди его обезличенных и лишенных мифологии божеств, так и в тех юридических сказках, помещенных в хроники, которые глубоко национальны, несмотря на свою повествовательную форму. Рим – мужественная нация, никогда не оглядывавшаяся на свое детство».

Возможно, замечание Моммзена сильнее применимо к сексуальной жизни Рима, чем к любому другому аспекту его истории – под сексуальной жизнью мы понимаем взаимоотношения полов. В историческое время мы видим у римлян и моногамный брак, и различные внебрачные взаимоотношения (которые варьируют от самых, как мы бы выразились, низменных до наиболее утонченных); но практически ничего мы не знаем о том, как эти взаимоотношения развивались.

В связи с ограниченностью места наш труд по истории римской цивилизации не может представить или подвергнуть критическому разбору все взгляды на римский брак и внебрачные отношения. Тем не менее, попытаемся воспроизвести несколько наиболее важных взглядов на эту проблему, – взглядов, которые сейчас вновь занимают первейшее место в дискуссиях просвещенного мира.

В эпоху ранней республики основой римской социальной жизни был моногамный брак, в котором всецело доминировал муж. Власть отца (*patria potestas*) управляла всей жизнью римской семьи в исторические времена; мы снова столкнемся с этим, когда речь пойдет об образовании. Но было бы неверно заключить, что сексуальные отношения ограничивались только браком, основывавшемся на отцовском доминировании. Наоборот, как мы увидим, свободные сексуальные отношения, как бы ни называть их – «свободной любовью» или «проституцией», – сосуществовали с браком даже в самые ранние известные нам эпохи. Но как объяснить сосу-

ществование моногамного брака и таких взаимоотношений?

Фрайерр Ф. фон Рейтценштайн пишет в своей книжке «Любовь и брак в Древней Европе»: «Во-первых, ясно, что людям был неизвестен полный *connubium*, то есть юридический брак; во-вторых, обычным в древнейшие времена был брак через похищение. Но для дальнейшего развития брака особенно ценны свидетельства из римского законодательства и истории. Благодаря юридическому гению римлян мы можем присмотреться к каждой стадии их развития, хотя этот же самый гений до такой степени изгладил следы древнейших эпох, что мы не можем получить о них никакого представления. Мы не можем сомневаться в существовании матриархата, которому способствовало влияние этрусков... Брак как связующий союз, конечно, был неизвестен плебейам; соответственно, их дети принадлежали к семье матери. Такие агамные или внебрачные взаимоотношения еще существовали в Риме в позднейшие эпохи и составляли основу широко развитой системы свободной любви, которая вскоре превратилась в проституцию разных видов».

Подобные мнения, во многом основанные на предположениях, в действительности восходят к углубленным исследованиям швейцарского ученого Бахофена. Пока преобладала моммзеновская школа мысли, Бахофен долго оставался в почти полном забвении, но сейчас он снова пользуется всеобщим признанием. В своей важной работе «Легенда о Танакиль – исследование влияния Востока на Рим и

Италию» он пытается доказать, что в древней Италии владычеству сильной отцовской власти предшествовало состояние полного матриархата, представленного в основном у этрусков. Он полагает, что исключительное развитие патриархата, который представляет собой преобладающий тип законных взаимоотношений в исторический период, происходило повсеместно, являясь громадным и несравненным достижением цивилизации. На с. 22 своего основного труда «Право матери» Бахофен выделяет три этапа в развитии брака: примитивный этап – неразборчивые сексуальные связи; средний этап – брак с доминированием жены; последний и наивысший этап – брак с доминированием мужа. Он пишет: «Принцип брака и принцип авторитета в семье, подкрепляющий брак, является частью духовного *ius civile* (гражданского законодательства). Это переходный этап. Наконец, за этим этапом следует наивысший этап – чисто духовный авторитет отца, посредством которого жена подчинена мужу, и все значение матери переходит к отцу. Это высочайший тип законодательства, который был развит римлянами в наиболее чистом виде. Нигде больше идеал *potestas* (власти) над женой и детьми не достиг столь полной завершенности; и также нигде больше соответствующий идеал единой политической *imperium* (верховой власти) не преследовался столь сознательно и настойчиво». Бахофен добавляет: «*ius naturale* (естественный закон) древних времен – не умозрительная философская конструкция, какой *ius naturale* стал

в более позднюю эпоху. Это историческое событие, реальный этап цивилизации, более древний, чем чисто политический статусный закон, – это выражение древнейших религиозных идеалов, свидетельство о ступени в развитии человечества... Но предназначение человека состоит в том, чтобы бросать новые и новые вызовы законам действительности, в преодолении материальной стороны своей природы, которая связывает его с животным миром, и в подъеме к более высокой и чистой жизни. Римляне изгнали из своих законов физический и материалистический взгляды на человеческие взаимоотношения более последовательно, чем другие народы; Рим с самого начала строился на политическом аспекте *imperium*; в сознательной приверженности этому аспекту Рим видел свое предназначение...»

Мнение Бахофена мы не станем ни опровергать, ни поддерживать. Однако он может сослаться на таких авторов, как Цицерон, который в своем трактате «О нахождении» (i, 2) так говорит о первобытном состоянии человечества: «Никто не знал законного брака, никто не видел своих законных детей».

Более того, даже современные ученые, например Ганс Мюлештайн (в своих знаменитых книгах «Рождение Западного мира» и «О происхождении этрусков»), следуют Бахофену, находя очень сильное этруское влияние в течение всего доисторического развития Рима. И недавние раскопки дали серьезные доказательства в поддержку этой точки

зрения. Вероятно, мы можем согласиться с ней, заключив, что матриархат в каком-то виде преобладал в течение столетий до того, как началось истинное развитие римской семьи и римского государства, основанное на *patria potestas*, и что остатки матриархата сохранились в разнообразных формах свободных сексуальных отношений, которые сосуществовали с моногамным браком, признаваемым государством. Конечно, при современном уровне знания истории это более или менее ненадежные гипотезы; возможно, в будущем, особенно когда мы расшифруем этрусский язык, они превратятся в исторический факт.

После этих вступительных замечаний опишем брак, каким он был в Риме в исторические времена.

До 445 года до н. э. официальный брак (*iustae nuptiae*) мог быть заключен только между патрициями – членами правящего класса. Между патрициями и плебеями не существовало *connubium*, то есть не было таких брачных отношений, которые могли быть признаны в гражданском суде. Позже историки напишут, будто бы злые децемвиры первыми наложили запрет на браки между патрициями и плебеями (Цицерон. О государстве, ii, 37). Но на самом деле запрет этот входил в число старых законов, которые до того соблюдались только по обычаю, а в 445 году до н. э. были зафиксированы на так называемых Двенадцати таблицах. Впоследствии, после длительной и тяжелой классовой борьбы, запрет был отменен трибуном Канулеем.

В данной связи было бы интересно упомянуть историю Виргинии. Вероятно, за этим сказанием не лежит никаких исторических фактов, но она любопытна с точки зрения своего влияния на литературу (например, «Эмилию Галотти» Лессинга). Приведем сказание так, как его рассказывает Дионисий Галикарнасский, – этот вариант менее известен, чем другие (*Дионисий Галикарнасский. Римские древности*, хі, 28):

«Жил плебей по имени Луций Виргиний. Он был одним из лучших воинов в Риме и командовал центурией в одном из пяти легионов, участвовавших в Эквинской кампании. У него была дочь Виргиния, самая прекрасная девушка в Риме, обрученная с бывшим трибуном Луцием. (Луций был сыном Ицилия, который ввел должность трибунов и первым ее занимал.) Аппий Клавдий, глава Совета Десяти, увидел девушку, когда она занималась в школе – в то время школы для детей размещались вокруг форума, – и был потрясен ее красотой, ибо она была уже во вполне зрелом возрасте. И без того поработенный страстью, он еще сильнее разжигал ее, снова и снова проходя мимо школы. Жениться на девушке он не мог, потому что она была обручена с другим и сам он был женат; кроме того, он презирал плебеев и считал позором взять плебейку в жены; да и брак такой запрещался тем самым законом, который он лично внес в Двенадцать таблиц. Поэтому он попытался сперва соблазнить ее деньгами. У нее не было матери, и Аппий непрерывно присылал людей

к женщине, воспитавшей ее. Он передал этой женщине много денег и обещал дать больше. Своим слугам он запретил называть женщине имя влюбленного в девушку, велел лишь передать, что он – один из тех, которые могут погубить или спасти любого. Однако он не преуспел и узнал лишь, что девушку стерегут еще тщательнее, чем прежде.

Совсем сгорая от любви, он решился действовать смелее. Послав за одним из своих родственников по имени Марк Клавдий, храбрецом, который мог помочь в любом деле, он признался ему в своей страсти. Затем, объяснив Марку, что тот должен сказать и сделать, он отправил его с несколькими негодяями в школу. Марк схватил девушку и пытался увести ее через форум на глазах у граждан. Поднялось возмущение, сразу же собралась большая толпа, и он не сумел доставить девушку в назначенное место. Тогда он отправился в магистрат. В то время Аппий сидел один на судейской скамье, давая советы и отправляя правосудие тем, кто в нем нуждался. Когда Марк начал было говорить, зрители стали возмущенно кричать, требуя подождать, пока не придут родственники девушки.

Вскоре явился ее дядя, Публий Нумиторий, пользовавшийся у плебеев большим уважением. С собой он привел многих друзей и родственников. Чуть позже пришел Луций, с которым Виргинию обручил ее отец. Его сопровождал сильный отряд юношей-плебеев. Едва подойдя к судейской скамье и не успев отдышаться, он потребовал сказать

ему, кто осмелился схватить дочь свободного гражданина и с какой целью. В ответ было молчание. Затем Марк Клавдий – человек, схвативший девушку, – сказал такую речь: «Аппий Клавдий, я не совершал никаких поспешных или насильственных действий по отношению к этой девушке. Я ее законный хозяин, и я увожу ее в соответствии с законами. Я расскажу вам, как вышло, что она принадлежит мне. От моего отца я получил в наследство женщину, которая много лет была рабыней. Когда она забеременела, жена Виргиния – которая была ее подругой – убедила ее отдать ей ребенка, если он родится живым. Рабыня сдержала слово, ибо она родила вот эту девушку Виргинию, сказала нам, что ребенок родился мертвым, а сама отдала его Нумитории. Бездетная Нумитория удочерила девочку и вырастила ее как родную дочь. Я долго не знал об этом; но теперь мне все рассказали. У меня есть много надежных свидетелей, и я допрашивал рабыню. И теперь я апеллирую к закону, по которому дети принадлежат их истинным, а не приемным родителям, и по которому дети свободных родителей свободны, а дети рабов – рабы, принадлежащие владельцам их родителей. По этому закону я заявляю о своем праве забрать дочь моей рабыни. Я готов обратиться с этим делом в суд, если кто-нибудь даст мне надежную гарантию, что девушку тоже приведут в суд. Но если кто-нибудь желает решить дело сейчас же, я готов к немедленному рассмотрению дела, без задержек и без каких-либо гарантий относительно девушки. Пусть мои про-

тивники решают, что они предпочтут».

После того как Марк Клавдий изложил свое дело, против него выступил с длинной речью дядя девушки. Он сказал, что лишь тогда, когда девушка достигла брачного возраста и ее красота стала очевидной, объявился истец со своим бессовестно наглым иском, который к тому же печется не о своей пользе, а о другом человеке, готовом на удовлетворение любых своих желаний, не считаясь ни с чем. Что же касается иска, он сказал, что отец девушки ответит на него, когда вернется домой из военного похода; сам же дядя девушки заявит формальный встречный иск на обладание девушкой и предпримет необходимые юридические шаги.

Эта речь пробудила в публике сочувствие. Но Аппий Клавдий хитроумно ответил: «Я хорошо знаю закон о залогах за людей, которые объявлены рабами, – он запрещает претендентам на владение этими людьми содержать их у себя до рассмотрения дела. И я не отменю мной же введенный закон. Вот каково мое решение. По этому делу встречный иск заявили два человека, дядя и отец. Если бы они оба присутствовали, девушку до рассмотрения дела надо было бы отдать на попечение отца. Однако, так как он отсутствует, я постановляю отдать девушку ее владельцу, а ему выставить надежных поручителей, что он приведет ее в суд, когда вернется ее отец. Что же до поручителей и честного и внимательного рассмотрения дела, Нумиторий, я уделю большое внимание всем этим вопросам. А пока же отдай девушку».

Женщины и все собравшиеся принялись громко причитать и жаловаться. Ицилий, жених девушки, поклялся, что, пока он жив, никто не посмеет ее увести. «Аппий, отруби мне голову, и тогда уводи девушку куда хочешь, да и всех других девушек и женщин, чтобы все римляне поняли, что они уже не свободные люди, а рабы... Но помни – с моей смертью Рим постигнет либо великое несчастье, либо великое счастье!»

Виргинию схватил ее мнимый владелец; но толпа вела себя так угрожающе, что Аппий был вынужден на время уступить. Отца девушки вызвали из лагеря. Как только он прибыл, дело было рассмотрено. Он привел самые убедительные доказательства законности ее рождения, однако Аппий объявил, что давно подозревал о сомнительности ее происхождения, но из-за множества обязанностей до сих пор не мог расследовать дело подробно. Угрожая силой разогнать толпу, он приказал Марку Клавдию увести девушку, дав ему эскорт из двенадцати ликторов с топорами.

Когда он сказал это, толпа рассеялась. Люди стонали, били себя по лбу и не могли сдерживать слез. Клавдий хотел было увести девушку, но она цеплялась за отца, целуя его, обнимая и называя ласковыми именами. Измученный Виргиний решился на поступок невыносимо трудный для отца, но уместный и достойный храброго свободного человека. Он попросил разрешения в последний раз обнять дочь и попрощаться с ней наедине, прежде чем ее уведут с форума. Кон-

сул разрешил ему это, и его враги отошли чуть в сторону. Отец обнимал ее, ослабевшую, почти бездыханную и льнущую к нему, называл ее по имени, целовал ее и вытирал ее обильные слезы, а тем временем потихоньку отводил в сторону. Приблизившись к лавке мясника, он схватил с прилавка нож и пронзил сердце дочери со словами: «Дитя мое, я отправляю тебя свободной и непорочной в край мертвых; ибо, пока ты жива, тиран не оставит тебе ни свободы, ни непорочности!»

Рассказ кончается свержением тиранов-децемвиров, но нам это уже не интересно. Неизвестно, основана ли эта история на факте или является выдумкой, иллюстрирующей свержение тиранов, главное, что в ней отражается растущее у обывателей чувство собственного достоинства и их ненависть к касте благородных, ведущих себя тиранически, в данном случае особенно в связи с браком. Аппий считает ниже своего достоинства вступать в законный брак с девушкой из низшего класса и по этой причине решается на описанное выше преступление; Виргиний же – обыватель, гордый принадлежностью к своему классу и отказывающийся терпеть беззаконие, предпочитая убить дочь, чем позволить ей вступить в позорный, по его мнению, союз с членом другого сословия – к тому же сословия, чьи привилегии он больше не может признавать.

Если мы хотим понять сущность законного брака в Риме (*iustum matrimonium*), то сперва нужно провести разли-

цу между браками, в которых женщина переходит «под руку» (*in manum*) супруга, и теми, в которых это не происходит. Что означает эта фраза? Вот что: в девичестве женщина, как и все дети, находится под властью отца. Ее отец имеет над ней *patria potestas*. Если она выходит замуж за человека, «под чью руку» переходит, это означает, что она уходит из-под власти отца и оказывается под властью (*manus*) мужа. Если она выходит замуж *sine in manum conuentione* (не подпадая под власть мужа), она остается под властью отца или его юридического представителя – на практике муж не получает прав на ее собственность. В поздние эпохи, в связи с постепенной эмансипацией римских женщин, независимость от мужей в смысле имущественных прав была для них преимуществом; соответственно, они старались избегать браков, в которых бы переходили в *manus* своих мужей.

Супружеская власть (*manus*) приобреталась лишь через три формы брака, признававшиеся гражданским судом – *confarreatio*, *coemptio* и *usus*. Мы должны рассмотреть их подробно постольку, поскольку они имеют отношение к нашей теме; более тонкие детали – некоторые из них весьма спорные – являются законной сферой истории римского правосудия.

Самая старая и самая торжественная форма брака, соответствующая нашему церковному венчанию, – *confarreatio*. Это слово происходит от названия пирога (*farreum libum*), который являлся обязательной частью церемонии. Диони-

сий так говорит о *confarreatio* («Римские древности», ii, 25): «Римляне в стародавние времена называли бракосочетание, совершавшееся посредством духовных и мирских церемоний, *confarreatio*, выражая всю его сущность в одном слове, производном от названия употреблявшейся при церемонии полбы (*far*), которую мы называем *zea*... Точно так же, как мы в Греции считаем ячмень древнейшим зерном и под названием *oulai* используем его, начиная жертвоприношения, так и римляне считают, что полба – самое ценное и древнейшее из всех зерен, и без него не разжигают жертвенного огня. Этот обычай еще жив; не изменились и некоторые более дорогостоящие жертвоприношения. И церемония получила свое имя от того, что жены делят с мужьями самую древнюю и самую святую пищу, соглашаясь точно так же разделить с ними жизнь и судьбу; таким образом между супругами образуются тесные связи нераздельного родства, и такой брак оказывается нерасторжимым. Закон требует от жен жить лишь к удовольствию своих мужей, так как больше им некуда деваться, а мужьям – повелевать своими женами как вещами, необходимыми и неотчуждаемыми от них».

Описывать ритуалы подробно нет необходимости: главным среди них было жертвоприношение, которое производил верховный жрец (*pontifex maximus*) и жрец Юпитера (*flamen Dialis*) в присутствии десяти свидетелей. Содержание некоторых ритуалов сейчас уже почти невозможно расшифровать. Бахофен интерпретирует церемонию такого

брака в книге «Легенда о Танакиль». В более поздние времена эта форма брака оставалась обязательной для родителей некоторых жрецов, но становилась все более обременительной (*Тацит. Анналы*, iv, 16). Разумеется, это была старейшая и самая аристократическая форма брака; первоначально она являлась обязательным видом брака для патрициев и просуществовала долгое время наряду с более простыми и менее церемониальными формами.

Отношение других видов брака к старейшему *confarreatio* остается темой дискуссий. В наше время в целом принято, что вторая форма (*coemptio*) первоначально применялась для браков среди простонародья, поскольку плебейам аристократический *confarreatio* был недоступен. Признанный авторитет в области права, Карлова в своей книге об истории римского права предполагает, что *coemptio* восходит к временам Сервия и было введено как законная форма брака для плебеев. Сперва брак через *coemptio* не требовал от жены (если она была плебейкой) входить в семью (*gens*) мужа. Это возбуждало недовольство среди простолюдинов, в результате чего закон трибуна Канулея юридически приравнял *coemptio* к *confarreatio*. Но последний продолжал существовать в качестве привилегии патрицианского класса.

Третья форма брака – брак по обычаю, или *usus*. В законах Двенадцати таблиц говорилось, что непрерывное сожительство в течение года должно считаться законным браком. Главная особенность этого брака – в исключениях, а

не в правилах: если сожитительство прерывалось на три ночи подряд (*trinoctium*), то *manus* не имел места, то есть брак был вполне законным, но жена не уходила из-под власти отца под власть мужа. Это устанавливалось законами Двенадцати таблиц (*Gau.* Институции, i, III). Брак по обычаю, по мнению Карловы, предназначался для упорядочения постоянных союзов между иностранцами и римлянами. И только позже он стал использоваться для освобождения жены из-под власти мужа. Как пишет Карлова, широкая распространенность формы, при которой жена могла оставаться вне власти мужа посредством *trinoctium*, восходит к «временам, когда после завоевания Италии Рим начал задумываться о заморских завоеваниях, о том, чтобы освободиться от религиозного мировоззрения и разрушить старую мораль». Позже мы более подробно обсудим то, что можно назвать борьбой римских женщин за эмансипацию; поэтому мнение Карловы сейчас оставим без рассмотрения. Неизвестно, появился ли этот тип брака «без *manus*» в результате законодательного акта или просто со временем оказался узаконенным. Однако ясно, что он был известен поэту Эннию в годы 1-й Пунической войны.

Три рассмотренные нами формы брака различаются именно в этом отношении. При *confarreatio* на церемонии присутствовал верховный жрец, и брак осуществлялся одновременно с *manus*. При *coemptio* муж получал *manus* в специальной юридической церемонии, которая сама по себе не

нужна была для свадебного обряда. При *usus* год сожителъства был равнозначен браку, но *manus* не имел места, если только за этот год не происходило перерыва, называвшегося *trinoctium*.

Юридически церемония *coemptio* представляла собой шуточную покупку: муж покупал жену за символическую сумму. Приставка *co* подчеркивает, что муж получал власть над женой как над родственницей, равной ему по положению (Карлова). Но если жена передает себя под власть мужа – она не пассивная фигура в церемонии, а ее активная участница.

Брак посредством *coemptio* был самой распространенной формой в позднюю эпоху. Мы знаем, что *confarreatio* был архаическим обычаем и вышел из употребления из-за своей чрезмерной усложненности. Юрист Гай говорит, что в его дни брак посредством *usus* был упразднен, частично законодательно, а частично по обычаю («Институции», i, III).

В задачу нашего труда не входит более подробное рассмотрение взаимосвязи этих трех форм брака. Однако ясно, что ритуалы, совершавшиеся при всех трех формах, были почти идентичны. Решение, какие именно ритуалы выполнять, принимали бракосочетающиеся стороны. Современные ученые (см., напр.: *Рейтценштайн*. Указ. соч. и др.) считают, что церемонии при *coemptio* и *usus* произошли от церемонии, использовавшейся при браке *confarreatio*, и являются всего лишь ее разновидностями. Попробуем дать краткую сводку самых распространенных ритуалов, какими они

сохранились в описаниях свидетелей.

На свадьбе по типу *confarreatio* присутствовали верховный жрец и жрец Юпитера; из этого можно заключить, что священный обряд проходил в священном месте, вероятно в курии или здании Сената. Но для свадебной церемонии других типов не требовалось специального места, и они совершались в доме невесты. Бракосочетанию обычно предшествовало обручение, но если оно расторгалось, это (по крайней мере, в поздние времена) не могло быть основанием для судебного иска (Ювенал, vi, 200; Кодекс Юстиниана, v, I, I). На церемонии обручения жених давал будущей невесте плату либо железное кольцо, которое она носила на безымянном пальце левой руки. Позже при обручении обычно заключали брачный контракт. Вся церемония обручения, как правило, проходила в присутствии гостей и заканчивалась банкетом.

Свадьбу нельзя было проводить в некоторые дни года. По религиозным соображениям под этот запрет подпадал весь май, первые половины марта и июня, календы, ноны и иды каждого месяца и многочисленные римские праздники. Ритуалы обычно начинались за день до церемонии: в тот день невеста снимала платье, которое носила в девичестве, и посвящала его богам вместе со своими детскими игрушками. Теперь она надевала свадебный наряд: специально сотканную тунику, шерстяной кушак и – самое главное – *flammeum* (большое красное покрывало на голову). Особое внимание уделялось ее прическе. Обычно волосы невесты

с помощью железного наконечника копья с загнутым концом заплетались в шесть кос. Авторитетный источник сообщает, что позже это делалось копьем, вынутым из трупа гладиатора, – возможно, потому, что такое оружие считалось наделенным собственной мистической властью (*Becker. Roman Private Antiquities*, v, I, 44). Под красным покрывалом невеста носила венок из цветов, собранных собственноручно. Остальные присутствовавшие на церемонии также носили гирлянды цветов.

По словам Цицерона («О дивинации», i, 16, 28), брак начинался с гаданий, проводившихся рано утром; в древние времена гадали по полету птиц, а позже по внутренностям священной жертвы. Тем временем собирались гости, и им официально объявляли результат гаданий. Затем заключался свадебный контракт в присутствии десяти свидетелей – хотя это было необязательно (*Цицерон. Цит. по Квинтилиану*, v, 11, 32). После этого жених и невеста торжественно заявляли, что согласны вступить в брак. При бракосочетании по типу *confarreatio* или *coemptio* невеста говорила: «Quando tū, Caius, ego, Caia»⁷ – формула, смысл которой стал предметом многих споров и которая, согласно Рейтценштайну, означает: «Если ты отец семьи, то я буду ее матерью». Эти слова, очевидно, подразумевали, что жена готова и желает войти под *manus* мужа и таким образом вступить в его семью (*gens*). После этого заявления молодоженов подвели

---

⁷ Где ты, Гай, там я, Гайя (*лат.*).

друг к другу, и *pronuba* соединяла их руки (*pronuba* обыкновенно была замужней женщиной, символизировавшей богиню Юнону. У Клавдиана (ix, 284) сама Венера появляется как *pronuba*, соединяя руки невесты и жениха). После этого важнейшего момента церемонии новобрачные шли к жертвеннику, чтобы лично принести главную жертву. Не следует путать эту жертву с той, что приносилась рано утром. В древнейшие времена она состояла из фруктов и упомянутого выше пирога – в соответствии с правилами *confarreatio*; позже жертвой было животное, обычно свинья или бычок. Во время жертвоприношения невеста и жених сидели на двух стульях, связанных друг с другом овечьей шкурой. *Auspex nuptiarum*, или, при *confarreatio*, присутствующий жрец, читал слова молитвы, и новобрачные повторяли их, обходя вокруг жертвенника. Потом следовали поздравления и пожелания новобрачным, а затем пир (напр., Ювенал, ii, 119).

Наконец наступала ночь. Начинался последний этап церемонии – *deductio*, процессия, сопровождавшая невесту к дому жениха. Древний обычай требовал, чтобы муж вырывал невесту из рук матери, к которой она бежала за защитой. (Фест («О значении слов», 288) выражается совершенно ясно: «Они делали вид, что девушку вырывали из-под защиты матери, а если ее мать не присутствовала, из-под защиты следующего ближайшего родственника, причем ее тащили (*trahitur*) к мужу».) Этот обычай явно восходит к первобытному браку через похищение. Затем невесту вела к дому му-

жа веселая процессия – впереди шли флейтисты и мальчик с факелами, затем (согласно множеству росписей на вазах) новобрачные в экипаже, а вокруг и за ними – гости и любые зрители, оказавшиеся поблизости. Процессия распевала «фесценнические» песни – первоначально фаллического характера, так как слово *fescennius* происходит от *facsinum* (мужской половой орган). Вполне вероятно, что в древнейшие времена исполнялся также фаллический танец, – этот обычай мы видим у первобытных народов (*Рейтценштайн*. Цит. соч.). Известно, что песни содержали весьма непристойные шутки (см. одну такую песню в «Ахарнях» Аристофана; ср. *Рейтценштайн*. С. 46). Интересное изображение подобной процессии мы видим в знаменитой свадебной песне Катулла. Она состоит из хора юношей, обедавших с женихом, и девушек – подружек невесты. Вот ее начало:

Юноши! Вesper взошел. Подымайтесь! Вesper с Олимпа,
Жданный нами давно, наконец свой факел возносит.
Стало быть, время вставать, отходить от столов
изобильных.
Скоро невеста придет, и славить начнут Гименея.
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!

Хор девушек отвечает:

Юношей видите ль вы, подружки? Вставайте навстречу!
Правда, вечерней звезды показался огонь из-за Эты.

Значит, время пришло, – поспешно юноши встали,
Смело встали, сейчас запоют: нужна им победа!
К нам, о Гимен, Гименей! Хвала Гименею, Гимену!⁸

Когда процессия достигала дома мужа, обычай требовал, чтобы жена смазала дверные косяки жиром или маслом и обвязала их шерстяными нитями. Затем муж переносил жену через порог, потому что коснуться порога считалось для новобрачной плохой приметой. Оказавшись внутри, жена совершала обряд вступления во владение огнем и водой: вместе с мужем она зажигала новый очаг, а затем ее окропляли водой. Тем самым она получала разрешение делить домашнюю и религиозную жизнь с мужем.

Финал свадьбы сопровождался несколькими священными обрядами. *Pronuba* готовила брачное ложе и давала невесте все необходимые указания. Сама невеста молилась Юноне Виргинензис и Цинции, богине, которой посвящалось развязывание пояса. Муж снимал с жены пояс, и она садилась (вероятно, голая) на фаллос бога плодородия по имени Мутун-Тутун. В древнейшие времена первый половой акт, вероятно, проходил в присутствии свидетелей. Возможно, первоначально с невестой совокуплялись друзья мужа. Согласно Бахофену, это был пережиток свободной проституции, предшествовавшей свадьбе в первобытную эпоху: «Естественные

---

⁸ Катулл. Книга стихотворений, 62. (Здесь и далее стихотворения Катулла даются в переводе С. Шервинского.)

и физические законы чужеродны и даже противоположны брачным узам. Поэтому женщина, вступающая в брак, должна искупить свою вину перед Матерью-Природой и пройти через этап свободной проституции, в ходе которой она достигает брачного целомудрия через предварительное распутство». В более поздние времена друзья мужа бросали орехи в спальню новобрачных. Наконец, следует заметить, что половому акту молодоженов покровительствовал ряд божеств, чьи имена свидетельствуют, что они представляли различные моменты полового акта.

На следующий день невеста принимала родственников и приносила первую жертву богам своего нового дома.

(Следует отметить, что одним из важнейших источников для приведенного выше описания является «Private Antiquities of Rome» Беккер-Марквардта (1864).)

Теперь можно задать следующий вопрос. Какими в действительности были эти браки? Что мы знаем о супружеской и семейной жизни римлян в различные периоды их истории? В старых и новых трудах по римской морали зачастую можно прочесть, что римский брак начал разрушаться уже в раннюю римскую эпоху, самое позднее – в начале империи. Предполагается, что эта дегенерация в значительной степени несет ответственность за крушение империи, казавшейся непоколебимой. Например, вот цитата из крупного авторитета по римской супружеской жизни, А. Россбаха. Она взята из его труда «Римские свадебные и брачные

памятники» (1871): «Если мы рассмотрим эти памятники в соответствии с эпохами, в которые они были созданы, то они представляются напоминаниями о славном прошлом, о дисциплинированной семейной жизни римлян с их домашними ритуалами, суровой отцовской властью, моралью и жертвенностью на благо общества, которые внесли такой сильный вклад в развитие государства».

Возможно, нам удастся найти достоверное описание римской супружеской жизни, из которого мы сумеем получить достаточно точное представление о ней. Такое описание следует искать у Дионисия Галикарнасского: «Ромул не позволил ни мужу привлекать жену к суду за измену или неверность, ни жену – мужа за плохое обращение или несправедливый развод. Он никак не определил размер приданого, которое должна приносить жена или которое должно возвращаться ей. Он не издал никаких подобных законов, кроме одного – который оказался подходящим во всех случаях. Закон гласит: «Жена, соединенная с мужем священными обрядами, должна разделять с ним все имущество и все ритуалы». Хотя Дионисий говорит о законе, введенном Ромулом, его замечание не противоречит предположению, что римский брак (в древнейшие времена, имеющие хоть какое-то значение для истории) отличался простотой и регулировался лишь негибимой *patria potestas*. Но современному разуму трудно увидеть что-нибудь выдающееся или благородное в жизни древнеримской женщины, которая проходила

в узких рамках непреложных обычаев и жесткого подчинения, а ее идеалом была *austeritas* (благородная суровость). Жизнь римской женщины, хоть и нравственно безупречная, «была лишена изящества, которым обладали греческие женщины, и не имела того жизнерадостного очарования, которое приносит счастье мужу» (Беккер-Марквардт). Сенека справедливо пишет, что во времена 1-й Пунической войны «нескромность считалась не пороком, а кошмаром».

Кроме того, римлянка, происходившая из богатой или знатной семьи, имела репутацию высокомерной, надменной и властной женщины, что являлось обычной темой для шуток в римской комедии. Римской матроне жилось достаточно привольно: ей не приходилось готовить и делать черную работу. Она лишь пряла и ткала со служанками, вела домашнее хозяйство и воспитывала маленьких детей. У римлян (в отличие от греков) не было специальных помещений, где женщина вела жизнь затворницы, скрытую от глаз всех, кроме других женщин и немногих родственников-мужчин. Она ела вместе с мужем, сидя рядом с ним за столом. Однако ей запрещалось пить вино – древняя римская мораль считала это проступком, достойным смерти. Домочадцы, в том числе и муж, называли ее *domina* («хозяйка»). Ее присутствие было гарантией особенной вежливости в манерах и разговорах. В ту раннюю эпоху от нее не ждали, что она как-то приобщится к культуре, и стимулировать ее интеллектуальное развитие мог разве что ее муж. Образование женщины было главным

образом направлено на практические цели. Выходя из дому (чего она не могла сделать, не оповестив мужа и не взяв спутницы), она надевала длинную *stola matronalis* (платье матроны). Однако она могла появляться в театре, суде или на религиозной церемонии, и на улице все должны были уступать ей дорогу. Прикасаться или как-то приставать к ней было абсолютно запрещено.

В целом изображение римской семейной жизни, которое Плутарх дает в жизнеописании Катона Старшего, едва ли можно назвать особо идеалистичным. Он пишет («Марк Катон», 20): «Он взял жену скорее хорошего рода, чем богатую, полагая, правда, что и родовитости и богатству одинаково свойственны достоинство и некоторая гордыня, но надеясь, что женщина знатного происхождения, страшась всего низкого и позорного, окажется особенно чуткой к добрым правилам, которые внушает ей муж. Тот, кто бьет жену или ребенка, говорил он, поднимает руку на самую великую святыню. Он считал более почетной славу хорошего мужа, чем великого сенатора, и в Сократе, знаменитом мудреце древности, его восхищало лишь то, как неизменно снисходителен и ласков был он со своей сварливой женой и тупыми детьми.

У Катона родился сын, и не было дела настолько важного (не считая лишь государственных), которое бы он не отложил, чтобы постоять рядом с женой, когда она мыла или пеленала новорожденного. Она сама выкармливала младенца, а нередко подносила к своей груди и детишек рабов, желая

такого рода общим воспитанием внушить им преданность и любовь к сыну». Очень многозначительно поведение Катона после смерти его первой жены. Плутарх говорит (24): «Сам же он, отличаясь железным здоровьем и незыблемой крепостью тела, держался дольше всех, так что даже в глубокой старости продолжал спать с женщиной и – отнюдь не по возрасту – женился вот при каких обстоятельствах. Потеряв жену, он женил сына на дочери Павла, приходившейся сестрою Сципиону, а сам, вдовствуя, жил с молодою служанкой, которая ходила к ним потихоньку. Но в маленьком доме, где бок о бок с ним жила невестка, связь эта не осталась тайной. И вот однажды, когда эта бабенка прошла мимо спальни, держась, по-видимому, слишком развязно, старик заметил, что сын, не сказав, правда, ни слова, посмотрел на нее с резкою неприязнью и отвернулся. Катон понял, что его близкие недовольны этой связью. Никого не упрекая и не порицая, он, как обычно, отправился в окружении друзей на форум и по пути, обратившись к некоему Салонию, который прежде служил у него младшим писцом, громко спросил, просватал ли тот уже свою дочь. Салоний сказал, что никогда не решился бы это сделать, не спросивши сначала его совета. «Что ж, – заметил Катон, – я нашел тебе подходящего зятя, вот только, клянусь Зевсом, как бы возраст его вас не смутил: вообще-то он жених хоть куда, но очень стар». В ответ Салоний просил его принять на себя эту заботу и отдать дочь тому, кого сам выберет: ведь она его клиентка

и нуждается в его покровительстве; тогда Катон, не откладывая, объявил, что просит девушку за себя. Сначала, как и следовало ожидать, Салоний был ошеломлен этой речью, справедливо полагая, что Катон слишком стар для брака, а сам он слишком ничтожен для родственной связи с домом консула и триумфатора, но, видя, что тот не шутит, с радостью принял предложение, и, придя на форум, они тут же объявили о помолвке... У Катона от второй жены был сын, названный в честь матери Салонием»⁹.

Еще одно изображение семейной жизни в старые добрые времена появляется у Тацита в «Диалоге об ораторах»: «Некогда в каждой римской семье сын, родившийся от порядочной женщины, возрастал не в каморке на руках покупной кормилицы, а окруженный попечением рачительной матери, которую больше всего хвалили за образцовый порядок в доме и неустанную заботу о детях. Подыскивалась также какая-нибудь пожилая родственница, чьи нравы были проверены и признаны безупречными, и ей вручался надзор за всеми отпрысками того же семейства; в ее присутствии не дозволялось ни произнести, ни сделать такое, что считается непристойным или бесчестным. И мать следила не только за тем, как дети учатся и как выполняют свои другие обязанности, но и за их развлечениями и забавами, внося в них благочестие и благопристойность. Мы знаем, что именно так руководили воспитанием сыновей и мать Гракхов Корнелия,

---

⁹ Перевод С. Маркиша.

и мать Цезаря Аврелия, и мать Августа Атия, взрастившие своих детей первыми гражданами Римского государства»¹⁰.

Эти описания, особенно описание Плутарха, показывают нам: то, что мы называем любовью, едва ли имело какое-то отношение к этим бракам. Более того, муж и жена очень часто были просватаны друг за друга родителями в раннем детстве по той или иной причине, обычно экономического характера. Самый ранний возраст, в котором можно было жениться, составлял 15–16 лет; женщина могла выйти замуж в 12 лет. Тацит женился на 13-летней девушке, когда ему самому было около 25 лет. Если при этих условиях между мужем и женой действительно возникала любовь, то это была скорее счастливая случайность, чем общее правило. Катону Старшему приписывают такую фразу: «Все народы правят своими женщинами, мы правим всеми народами, но наши женщины правят нами». Тацит же заметил: «Истинный римлянин женился не по любви и любил без изыщества или почтения». Прежде всего римляне женились, чтобы родить наследников, – таково было их свободное и естественное отношение к вопросам пола.

Тем не менее, положение жены в семье не было подчиненным. Наоборот. Ее не привязывали к мужу какие-либо нежные чувства; ничего подобного римский характер не знал, особенно в «лучшие» времена, то есть в период старой республики. Но жена вместе с мужем управляла большим до-

---

¹⁰ Здесь и далее цитаты из Тацита даются в переводе А. Бобовича.

машинным хозяйством, во благо или во зло. Таким образом она заполняла свою жизнь, которая могла бы показаться нам очень приземленной. Колумелла ярко живописует ее следующими словами («О сельском хозяйстве», xii, *praef.*): «У греков, а потом и у римлян вплоть до поколения наших отцов забота о доме лежала на жене, в то время как отец приходил в свой дом как в место отдыха от тревог форума. Дом содержался с достоинством и уважением, с гармонией и прилежностью; жена была полна благороднейшего рвения сравняться в своем трудолюбии с мужем. В доме не было разногласий, и ни муж, ни жена не требовали никаких особых прав: оба трудились рука об руку».

В этой связи мы должны также обсудить вопрос материнства в жизни римской женщины. Мы уже знаем о матери Кориолана, Ветурии, женщине из легендарного прошлого, пред чьей гордостью даже доблесть ее сына обращалась в ничто. Ливий (ii, 40) пишет: «Тогда римские матери семейств толпой сходятся к Ветурии, матери Кориолана, и к Волумнии, его супруге. Общее ли решение побудило их к этому или просто женский испуг, выяснить я не смог. Во всяком случае, добились они, чтобы и Ветурия, преклонных уже лет, и Волумния с двумя Марциевыми¹¹ сыновьями на руках отправились во вражеский лагерь и чтобы город, который мужчины не могли оборонить оружием, отстояли бы женщины мольбами и слезами. Когда они подошли к лагерю и Корио-

---

¹¹ То есть сыновьями Кориолана. (Примеч. пер.).

лану донесли, что явилась большая толпа женщин, то он, кого не тронуло ни величие народа, воплощенное в послых, ни олицетворенная богобоязненность, представленная жрецами его взору и сердцу, тем более враждебно настроился поначалу против плачущих женщин. Но вот кто-то из его приближенных заметил Ветурию между невесткой и внуками, самую скорбную из всех. «Если меня не обманывают глаза, – сказал он, – здесь твои мать, жена и дети». Как безумный вскочил Кориолан с места и когда готов уже был заключить мать в объятия, но женщина, сменив мольбы на гнев, заговорила: «Прежде чем приму я твои объятия, дай мне узнать, к врагу или к сыну пришла я, пленница или мать я в твоём стане? К тому ли вела меня долгая жизнь и несчастная старость, чтоб видеть тебя сперва изгнанником, потом врагом? И ты посмел разорять ту землю, которая дала тебе жизнь и вскормила тебя? Неужели в тебе, хотя бы и шел ты сюда разгневанный и пришел с угрозами, не утих гнев, когда вступил ты в эти пределы? И в виду Рима не пришло тебе в голову: «За этими стенами мой дом и пенаты, моя мать, жена и дети?» Стало быть, не роди я тебя на свет – враг не стоял бы сейчас под Римом, и не будь у меня сына – свободной умерла бы я в свободном отечестве! Все уже испытала я, ни для тебя не будет уже большего позора, ни для меня – большего несчастья, да и это несчастье мне недолго уже терпеть; но подумай о них, о тех, которых, если двинешься ты дальше, ждет или ранняя смерть, или долгое рабство». Объятия же-

ны и детей, стон женщин, толпою оплакивавших свою судьбу и судьбу отчизны, сломили могучего мужа. Обнявши своих, он их отпускает и отводит войско от города прочь».

Ветурия – легендарная личность, но Корнелия, знаменитая мать злосчастных Гракхов, является нам в ярком свете истории. Как выразился Бирт, она – «римская Ниоба»: другие ее сыновья рано умерли, а два оставшихся сына, реформаторы, погибли в жестоких схватках на улицах Рима.

Трагическая судьба также выпала Агриппине, матери Нерона, о которой речь пойдет ниже.

Но помимо этих великих исторических фигур, простое совершенство римской жены и матери является нам во множестве трогательных и красноречивых надгробных надписей. Очень важно, что большинство из них посвящено памяти женщин не высокородных, а из среднего и низшего слоев общества. Большое их число содержится в труде Фридлендера «История римской морали». Конечно, процитировать все их мы не можем, но несколько характерных примеров приведем. Надгробная надпись республиканского периода гласит: «Коротки мои слова, путник: остановись и прочти их. Под этим бедным камнем лежит прекрасная женщина. Родители называли ее Клавдией. Она неизменно любила своего мужа и родила двоих сыновей. Одного она оставила на земле, другого погребла на груди земли. Ее слова были добрыми, а походка гордой. Она заботилась о своем доме и своей пряже. Я закончил; можешь идти». Вот другая, имперского времени:

«... Она была духом-хранителем моего дома, моей надеждой и моей единственной любовью. Чего я желал, желала и она, чего я избегал, избегала и она. Ни одна из самых сокровенных ее мыслей не была тайной для меня. Она не знала небрежения в прядении, была экономна, но и благородна в своей любви к мужу. Без меня она не пробовала ни еды, ни питья. Разумным был ее совет, живым ее ум, благородной ее репутация». На саркофаге начертаны следующие слова:

«Здесь лежит Амимона, супруга Марка;
Доброй была она, миловидной и прилежной,
Усердной хозяйкой, экономной и опрятной,
Целомудренной, почтенной, набожной и тактичной».

Эти немногие примеры с трудом могут дать представление о массе подобных надписей.

Но самый величественный из всех памятников римским женщинам – «Царица элегий», написанная Проперцием для Корнелии, жены Эмилия Павла Лепида (последняя элегия в книге IV). После безвременной смерти Корнелии поэт рисует ее мысленный образ, обращая элегию к тем, кто оплакивает Корнелию, чтобы утешить их горе. Ни один из известных образцов обширной римской литературы не дает нам более прелестного и простого изображения высот, до которых мог подняться римский брак. Закончим наш разговор о браке в раннюю римскую эпоху цитатой из этого благородного и глубокого произведения человеческого разума.

Павл, перестань отягчать слезами мою ты могилу,
Вскрыть никакою мольбой черных дверей не дано.
Раз как только вступил погребенный в подземное
царство,
Неумолимая сталь все запирает пути.
Пусть мольбы твои бог и услышит во мрачном чертоге,
Все-таки слезы твои выпьет тот берег глухой.
Трогают вышних мольбы; но примет лишь деньги
паромщик,
Тени с костров за собой бледная дверь заключит.
Так-то печальные трубы звучали, как голову снизу
Мне, поджигая, с одра факел враждебный совлек.
Чем мне тут помогло супружество с Павлом, чем предков
Колесницы? Или славы залог моей?
Были ли парки ко мне, Корнелии, менее злобны?
Вот же я то, что пятью пальцами можно поднять.
Клятые ночи, и вы, озера с теченьем ленивым,
Вся и волна, что кругом ноги объемлет мои,
Хоть преждевременно я вступила сюда невиновна,
Тени моей да воздаст суд благосклонный отец.
Если ж близ урны судьей Эак тут какой восседает,
Жребий сперва получа, кости пусть судит мои.
Пусть восседает и брат к миносскому креслу поближе,
И со вниманьем большим хор предстоит Эвменид.
Груз свой оставь ты, Сизиф; уймись, колесо Иксиона;
Влаги обманчивой пусть Тантал успеет схватить.
Пусть сегодня Цербер ни на чьи не кидается тени,
И с не гремящим замком цепь распростерта лежит.

Буду сама за себя говорить: коль солгу, в наказание
Скорбная урна сестер пусть мне плеча тяготит.
Ежели слава кого украшала трофеями предков,
Нумантийских дедов Африка мне назовет.
Им под стать и еще толпа материнских Дибонов,
И поддержан своим каждый отличием дом.
Тут как претекста уже уступила факелам брачным,
И уж повязкой иной волос был влажный увит:
Павл, я с ложем твоим сочеталась, чтоб так лишь
расстаться.
Пусть этот камень гласит: муж у меня был один.
Прахом предков клянусь, пред которым ты, Рим,
преклоняйся,
Африка, пав к их ногам, с бритой лежит головой;
Тем, кто Персея, на вид подражавшего предку Ахиллу,
И Ахиллом своим чванный их дом сокрушил,
Что не смягчала никак для себя я закона цензуры,
И ни единым пятном лар не стыдила у нас.
Не повредила таким Корнелия пышным трофеям,
Нет, и в великой семье я образцовой была.
Жизнь не менялась моя: вся она до конца безупречна,
Прожили в славе добра между двух факелов мы.
Мне природа дала по крови прямые законы:
Чтоб из-за страха судьи лучшей я быть не могла.
Как бы строго меня ни судили таблички из урны,
Хуже не стать ни одной, что просидела со мной.
Ни тебе, что смогла канатом снять с места Цибебу,
Клавдия, редкая ты жрица богини в зубцах;
Ни тебе, для кого, как Веста огонь свой спросила,

Белое вдруг полотно вновь оживило очаг.
Милой твоей головы, я, Скрибония мать, не срамила.
Что ж ты желала б во мне, кроме судьбы, изменить?
Материнскими я и сограждан слезами хвалима,
Цезаря вздохи моим лучшей защитой костям.
Он вопиет, что была его дочери кровной достойна
Жизнью сестра; и при всех слезы у бога текли.
Все же почетную я себе заслужила одежду,
Не из бесплодного я дома изъята судьбой.
Ты, мой Лепид, и ты, Павл, моя и по смерти отрада,
Даже смежились мои очи на вашей груди.
Дважды видела я на курульном кресле и брата;
Только он консулом стал, тут умчало сестру.
Дочь, ты была рождена образцом цензуры отцовской,
Мне подражая, держись мужа навек одного.
Поддержите свой род потомством; отвязывать рада
Я челнок, чтоб зол не умножала судьба.
Женского высшая в том состоит награда триумфа,
Если свободно молва хвалит потухший костер.
Ныне тебе, как залог я общий, детей поручаю.
Эта забота о них дышит и в пепле моем.
Матери долг исполняй ты, отец; всю мне дорогую
Эту толпу выносить шее придется твоей.
Плачущих станешь ли их целовать, поцелуй и за мать.
Стал отныне весь дом бременем ныне твоим.
Если сгрустнется тебе, когда их при этом не будет,
Только войдут, обмани, щеки отерши, целуй.
Будет с тебя и ночей, чтоб, Павл, обо мне сокрушаться,
Чтоб в сновидениях ты часто мой лик признавал.

И когда говорить ты начнешь с моим призраком тайно,
Как бы ответов моих каждому слову ты жди.
Если, однако же, дверь переменит напротив постелю,
И на ложе мое мачеха робко придет,
Дети, снесите тогда и хвалите брак вы отцовский,
Вашей пленясь добротой, руку она вам подаст,
И не хвалите вы мать чрезмерно; сравненная с первой,
Примет в обиду себе вольное слово она.
Если ж останется он, мою лишь тень вспоминая,
И настолько еще прах мой он будет ценить,
То научитесь сейчас облегчать грядущую старость,
Чтоб ко вдовцу у забот не было вовсе путей.
Что у меня отнято, пусть к вашим прибавится годам,
Из-за детей моих пусть Павл будет старости рад.
Пусть хорошо ему жить; как мать, я утраты не знала.
Вся ватага пошла следом моих похорон.
Я защитила себя! В слезах вы, свидетели, встаньте,
Как благодарна за жизнь плату земля воздает!
Нравы и в небо введут: пусть буду я стоять заслугой,
Чтобы вознесся мой дух к предкам своим в торжестве¹².

---

¹² Здесь и далее элегии Проперция цитируются в переводе А. Фета.

2. Развод, супружеская неверность, безбрачие, конкубинат

Брак типа *confarreatio* в раннем Риме не мог быть расторгнут. Но в те времена *confarreatio* был единственной законной формой брака. Следовательно, в тот период развод был неизвестен. Дионисий пишет («Римские древности», ii, 25): «Сведущие люди единодушно считают, что в Риме на протяжении пятисот двадцати лет не был расторгнут ни один брак. Но в 137-ю олимпиаду, в консульство Помпония и Папирия, некто Спурий Карвилий (довольно известный человек), говорят, расстался со своей женой, став первым, кто так поступил. Цензоры заставили его поклясться, что он не может жить с женой, так как желает иметь детей, а она бесплодна — но плебеи с тех пор ненавидели его за этот развод (пусть и вынужденный)».

Дионисий также сообщает, что, если жена совершала измену или пила вино, семейный совет в присутствии мужа приговаривал ее к смерти. Согласно Плутарху («Ромул», 22), «Ромул издал также некоторые законы. Самый суровый из них состоит в том, что женщина не имеет права уйти от мужа; но муж может прогнать жену, если она оказалась виновной в отравлении или подмене детей или была поймана в

прелюбодеянии»¹³. Совершенно ясно, что жены (поскольку Рим в те древние времена был государством мужчин для мужчин) не могли развестись с мужьями, но мужья могли развестись с женами, главным образом по причине измены.

Согласно законам Двенадцати таблиц, расторжение брака происходит в форме изгнания жены мужем; по словам Валерия Максима («Меморabilia», ii, 9, 2), такой развод произошел в 306 году до н. э. Следующие проступки давали мужу право дать жене развод: измена, употребление вина, а также *peruerse taetrique factum* (капризное и отвратительное поведение), о чем трудно сказать что-либо более определенное. Многое зависело от воли мужа; но, как показывает вышеупомянутый отрывок из Валерия Максима, прежде чем дать жене развод, муж был обязан собрать семейный или дружеский совет. Вот как Геллий описывает первый развод («Аттические ночи», iv, 3): «В памяти людской сохранилось предание, будто на протяжении чуть ли не пятисот лет от основания Рима ни в самом Городе, ни в Лации не было ни каких-либо тяжб, ни юридических правил по супружеским делам, поскольку, наверное, тогда еще не видели причин для разводов. Да и Сервий Сульпиций в книге, озаглавленной «О приданом», написал, что впервые стали нужны юридические нормы, касающиеся супружеских дел, тогда, когда... знатный муж Спурий Карвилий, прозванный Руга, разошелся с женой, которая по причине телесного изъяна была бесплод-

---

¹³ Перевод В. Алексеева.

ной»¹⁴. Из этого отрывка видно, что первое расторжение брака в Риме было вызвано бесплодием жены. По мнению Беккера-Марквардта, это был не первый развод, но первый, не связанный с позором и осуждением жены. В данном случае за женой сохранялось приданое, хотя, если жена уличалась в неверности, оно оставалось после развода за мужем. (Юридическая формула для развода без супружеской неверности была *tuas res tibi habeto* – «оставь свою собственность при себе».)

Все эти описания сходятся в том, что в раннем Риме разводы были редки. Но можем ли мы на этом основании сделать вывод о высокой нравственности в семейной жизни? Это другой вопрос. Не следует забывать, что закону неизвестны были поступки, которые считались бы покушением на основы брака со стороны мужа: руки у последнего были развязаны. А свобода жен была столь ограничена, что у них редко появлялась возможность совершить проступок, особенно перед лицом ужасающего наказания. Жену могли не только изгнать с позором и бесчестьем из дома, в котором она жила, но и предать смерти по решению семейного совета, действовавшего заодно с мужем.

В эту раннюю эпоху не было установлено никаких наказаний за неверность – вероятно, потому, что муж брал дело в свои руки или обращался к семейному совету для вынесения наказания. Например, Валерий Максим («Мемора-

---

¹⁴ Перевод Б. Тритенко.

билия», vi, 1, 13) упоминает несколько случаев, когда супружеская неверность наказывалась поркой, кастрацией или *familie stuprandus* – последнее наказание заключалось в том, что слуги и подчиненные потерпевшего мужа учиняли сексуальное бесчестье неверной жене. Аналогично подлежал суровому наказанию муж, совершавший адюльтер с замужней женщиной, но только не с рабыней или проституткой, хотя мы бы тоже сочли это изменой. Например, Валерий Максим приводит такой рассказ про Сципиона Африканского Старшего («Меморабилия», vi, 7, 1): «Терция Эмилия, его жена... была настолько добра и терпелива, что, узнав о его забавах с одной из служанок, сделала вид, что ничего не замечает, чтобы не бросить тень вины на Сципиона, покорителя мира». А у Плавта («Два Менехма», 787 и далее) отец так отвечает на жалобы дочери:

Твердил я часто: мужа слушайся,
Не следи за ним, куда он ходит, что он делает.

Когда же она жалуется на его измены, он говорит:

Он прав.
Будешь наседать – добьешься, крепче с нею свяжется.

После чего добавляет:

Золото тебе и платье он дает? Съестной запас,

Слуг предоставляет ли? Так будь благоразумнее¹⁵.

Катон лаконичным и прозаическим языком описывает весь контраст между изменой мужа и жены (цит. по: *Геллий*. *Аттические ночи*, х, 23): «Уличив жену в измене, можешь смело убить ее без суда. Но если измену совершишь ты или измену совершат с тобой, она и пальцем пошевелить не имеет права». И все же, если муж изменял жене с рабыней, решительная женщина знала, как поступить. Об этом говорится у Плавта («Два Менехма», 559 и далее; «Ослы», v, 2), и Ювенала (ii, 57). Ювенал говорит о «любовнице грязной», которая «сидит на жалком чурбане» и трудится под присмотром жены.

Раннее христианство отличалось суровой идеалистичностью в отношении сексуальных связей. Следующее высказывание было хотя бы теоретически верным: «В нашей среде то, что запрещено женщинам, равно запрещено и мужчинам». (*Иероним*. *Послания*). С другой стороны, Августин вынужденно признается: «Если изгнать проститутку из общества, оно из-за неудовлетворенной похоти обратится в хаос» («О порядке», ii, 12).

Итак, мы видели, что в раннем Риме не было узаконенного наказания за измену, совершенную как мужем, так и женой. Это подтверждается заявлением Катона (цит. по Квинтилиану, v, 11, 39), что обличенная в любодеянии облича-

---

¹⁵ Перевод А. Артюшкова.

ется одновременно и в отравлении. При отсутствии закона непосредственно против измены с этим преступлением бо-ролись таким странным косвенным способом. Первые юри-дические наказания за измену появляются во время нрав-ственных реформ Августа, разговор о которых будет ниже. Наказания включали ссылку и лишение некоторых имуще-ственных прав; к лицам из низших классов применялись те-лесные наказания. В более поздние времена имелась тен-денция к ужесточению этих наказаний. Констанций поста-новил, что измена должна наказываться сожжением заживо или утоплением в мешке, а Юстиниан приказал заключать изменивших жен в монастыри. Эти позднейшие меры мож-но назвать, по выражению Моммзена, «благочестивым звер-ством».

Во время поздней республики в связи с общим улучшени-ем положения женщины развод упростился и стал более рас-пространен. Важным моментом было то, что брак без *manus* мог быть просто объявлен как соглашение между двумя сто-ронами. Это, конечно, вело к множеству фривольных резуль-татов. Валерий Максим («Меморабилия», vi, 3, 12) говорит о браке, который был расторгнут, потому что жена ходила на игры без ведома мужа. А Цицерон в одном из своих писем¹⁶ упоминает о жене, получившей скорый развод еще прежде,

---

¹⁶ Письмо написано Целием, но опубликовано (вместе с другими его письма-ми) в трудах Цицерона («Письма к близким», viii, 7). (Примеч. к английскому изданию.)

чем муж вернулся домой из провинции, просто потому, что она познакомилась с другим человеком и захотела стать его женой. И мы не можем удивляться, когда узнаем, что Сулла женился пять раз, Помпей – пять, Овидий – три раза. Следовательно, нельзя сказать, что упрощенный развод появился лишь во время империи – когда, тем не менее, к браку и разводу стали относиться еще более легко. Сенека пишет («О благодеяниях», iii, 16, 2): «Разве какая-нибудь женщина станет краснеть от развода, после того как некоторые знатные и благородные женщины считают свои годы не по числу консулов, а по числу мужей и разводятся, чтобы выйти замуж, а выходят замуж, чтобы развестись?» Конечно, подобная практика не избежала бича язвительно-гротескной сатиры Ювенала. Он пишет (vi, 142 и далее, 224 и далее):

К Бибуле что же горит таким вождельем Серторий?
Любит, по правде сказать, не жену он, а только
наружность.
Стоит морщинкам пойти и коже сухой позавянуть,
Стать темнее зубам, а глазам уменьшиться в размере,
Скажет ей вольный: «Бери-ка пожитки да вон убирайся!
Нам надоело с тобой: сморкаешься часто; скорее,
Живо уйди! Вон с носом сухим приходит другая».

А вот о жене, которой так же легко избавиться от мужа:

Так она мужу велит; но скоро она покидает

Царство жены и меняет семью, затоптав покрывало,
Вновь исчезает – и снова приходит к постылому ложу;
Входа недавний убор, занавески она покидает,
В доме висящие там, и у двери зеленые ветви.
Так возрастает число, и в пять лишь осенних сезонов
Восемь будет мужей – достойный надгробия подвиг!¹⁷

Поскольку нет сомнения, что возросшее число разводов имело более глубокую причину, нежели «упадок эпохи», мы оставим пока эту тему и обратимся к ней позже, в разделе об эмансипации римских женщин.

Но было бы несправедливо обвинять только женщин в так называемом упадке брака. Мы знаем, что даже в ранние времена мужчины не слишком стремились к ответственности отцовства. Если бы это было не так, мы бы не могли понять, почему человек, упорно отказывавшийся жениться, подлежал наказанию со стороны цензоров с наложением некоторого денежного взыскания. Цицерон пишет («О законах», iii): «Цензоры да... запрещают оставаться безбрачными». Согласно Валерию Максиму («Меморабилия», ii, 9, 1), цензорский указ против безбрачия был издан уже в 403 году до н. э. Ливий (lix., epit.) и Геллий («Аттические ночи», i, 6) рассказывают, что в 131 году до н. э. цензор Метелл произнес знаменитую речь по этому вопросу; в ней содер-

---

¹⁷ Перевод Д. Недовича.

жатыся значительные положения, ярко освещающие римскую концепцию брака: «Если бы мы могли жить без жен, не было бы и всех этих забот. Природа устроила так, что мы не можем жить с ними в мире, но и вовсе без них нам не прожить, а посему мы должны стремиться к вечной пользе, а не к временному удовольствию». Самое интересное то, что оратор состоял в счастливом браке, имел четырех сыновей, двух дочерей и одиннадцать внуков; он говорил опираясь на собственный опыт. Из Геллия («Аттические ночи», i, 6, 6) мы узнаем официальную точку зрения: «Государство, в котором браки нечасты, не может быть в безопасности».

После войны с Ганнибалом низшие классы увеличились численно. Теперь авторы откровенно писали об уклонении от браков. Плутарх пишет («О любви к потомству», 497e): «Бедняки не заводят детей, опасаясь, что если те будут плохо питаться и не получают образования, то вырастут невежами, лишенными каких-либо добродетелей». Кроме того, существовали и соображения, о которых говорит Проперций (ii, 7, 13):

Где для отечественных триумфов детей мне доставить?
Никому из моей крови солдатом не быть.

Сенека приводит еще одну причину («Фрагменты», xiii, 58): «Самая бессмысленная вещь на свете – жениться с целью родить детей, чтобы наш род не пресекся, или чтобы

иметь опору в старости, или чтобы получить наследников». Даже у государства отпал сильнейший побудительный мотив к поощрению браков: оно перестало нуждаться в непрерывном притоке молодых солдат для своих бесконечных войн. В длительный период мира в первые столетия новой эры Риму не требовалось такого количества воинов для сохранения своего статуса или расширения владений. В то время было гораздо проще вести образ жизни одного из персонажей писем Плиния («Письма», iii, 14) – бывшего претория, который жил на своей вилле с несколькими наложницами. (Естественно, он не был женат.) И наконец, для человека, знакомого с философией, семья была не чем иным, как ненужным бременем. Вот что говорил Цицерон (цит. у Сенеки, «Фрагменты», xiii, 61): «Гирций спросил Цицерона, женится ли тот теперь, расставшись с Теренцией, на сестре Гирция. Цицерон ответил, что никогда больше не женится снова, потому что ему не совладать с философией и с женой одновременно». Он же так высказывается в «Парадоксах стоиков»: «Или в нашем представлении останется свободным тот, которым повелевает женщина, устанавливая ему свои законы, предписывая, запрещая все, что ей угодно?»¹⁸

Итак, мы видим, что с постепенным освобождением личности из оков традиционной морали и требований общества число причин не вступать в брак увеличивалось. Такой процесс неоднократно повторялся в истории.

---

¹⁸ Перевод Н. Федорова.

Естественно, государство иногда старалось обуздать этот процесс законодательно, ведь под угрозой было само его существование. Первым такую попытку предпринял Август. Его указы о нравственности были решительными и радикальными, но не дали особого эффекта, поскольку государственное законодательство в таких случаях всегда мало помогает. Моммзен описывает их в замечательных выражениях; они были, по его словам, «одним из самых впечатляющих и долгодействующих нововведений в уголовном законодательстве, известных истории». Они известны как *Juliae rogationes* и включают в себя *lex sumptuaria*, *lex Julia de adulteriis et de pudicitia*, *lex Julia de maritandis ordinibus* и *lex Papia Poppaea*-принятые между 18 годом до н. э. и 9 годом н. э. Их назначение можно описать словами Беккера-Марквардта: «Наказывать лишением имущественных прав за безбрачие мужчин в возрасте от 20 до 60 лет и женщин от 20 до 50 лет и за бездетность мужчин старше 25 лет и женщин старше 20 лет; наделить в качестве поощрения различными правами и привилегиями родителей трех или более детей; способствовать подходящим бракам между отпрысками сенаторских семей; и ограничивать разводы некоторыми правилами и постановлениями».

Август жестко проводил эти законы в жизнь. Какого результата он добился? Выслушаем свидетельства нескольких современников. Светоний («Август», 34), описывая закон о порядке брака для всех сословий, говорит: «Этот последний

закон он хотел сделать еще строже других, но бурное сопротивление вынудило его отменить или смягчить наказания, позволить трехлетнее вдовство или увеличить награды. Но и после этого однажды на всенародных играх всадники стали настойчиво требовать от него отмены закона; тогда он, подзвав сыновей Германика, на виду у всех посадил их к себе и к отцу на колени, знаками и взглядами убеждая народ не роптать и брать пример с молодого отца»¹⁹. У Кассия Диона («Римская история», 54, 16) читаем: «В Сенате раздавались громкие жалобы на распущенность женщин и молодежи; этой распущенностью объяснялось постоянное уменьшение числа браков, и сенаторы пытались вынудить Августа исправить положение личным примером, намекая на его многочисленные любовные похождения. Он сперва ответил, что необходимые меры уже приняты и что невозможно принять закон на все случаи жизни. Но потом, поскольку сенаторы продолжали докучать ему, сказал: «Вы бы сами приказывали своим женам все, что сочтете нужным. Лично я так и делаю». Но после этих слов они стали приставать к нему еще сильнее, желая знать, что именно он приказывает Ливии. И он был вынужден сказать несколько замечаний о женском платье и украшениях, появлении женщин в общественных местах и скромном поведении – не заботясь, что его слова расходятся с его делами». В другом отрывке Кассий Дион рассказывает, что император произнес большую и подроб-

---

¹⁹ Здесь и далее цитаты из Светония приводятся в переводе М. Гаспарова.

ную речь в защиту своих законов. Хотя приведенная Дионом речь вряд ли подлинна до последнего слова, все же она дает представление об общих идеях и задачах юлианского законодательства; поэтому приведем несколько цитат из нее (*Кассий Дион*.

Римская история, 56, 1 и далее): «Во время триумфальных игр всадники бурно настаивали на отмене закона о безбрачии и бездетности. Тогда Август собрал в разных частях форума тех всадников, которые были неженаты, и тех, которые были женаты, включая и имевших детей. Увидев, что женатых намного меньше, чем остальных, он опечалился и обратился к ним приблизительно с такой речью:

«...Рим изначально был лишь горсткой мужчин; но, надумав жениться и завести детей, мы превзошли весь мир не только своей силой, но и числом. Мы должны помнить это и преодолевать свою смертность, передавая свою породу, как факел, по нескончаемой линии наследников – и таким образом совместными усилиями обратить свою смертность (это свойство нашей природы, которое не позволяет нам сравняться в счастье с богами) в вечную жизнь. Именно с этой целью наш Создатель, первый и величайший из богов, разделил людей на два пола, мужской и женский, и вложил в оба любовь и сексуальные желания, позаботившись, чтобы их союз приносил плоды – чтобы новые поколения даже смертную жизнь превратили в бессмертную... И конечно, нет большего благословения, чем хорошая жена, которая

печется о вашем доме, следит за вашим состоянием, воспитывает ваших детей, наполняет счастьем ваши здоровые дни и заботится о вас, когда вы больны, делит с вами радость и утешает вас в беде, обуздывает ваши юношеские страсти и смягчает суровую старость... Вот лишь несколько из тех преимуществ, которыми пользуются женатые и имеющие детей. Что же касается государства – ради которого мы вынуждены многим поступиться, – без сомнения, почетно и необходимо (если мы хотим, чтобы города и люди существовали, если мы хотим править другими и чтобы весь мир нам подчинился), чтобы обильное население в мирное время пахало землю, плавало по морям, занималось искусствами и ремеслами, а в войну с большим рвением защищало бы не только свои пожитки, но и семью, и выращивало бы новых людей на смену погибшим...» Затем он так обратился к неженатым мужчинам: «Как мне называть вас? Мужчинами? Вы еще не доказали право на такое имя. Гражданами? По вашей вине город гибнет. Римлянами? Вы делаете все возможное, чтобы само это имя исчезло... Город – это мужчины и женщины, а не здания, колоннады и пустынные форумы. Представьте себе справедливый гнев, который бы охватил великого Ромула, нашего основателя, если бы он сравнил время и обстоятельства своего рождения с вашим отказом заводить детей даже в законном браке... Те, старые римляне, рожали детей даже от чужестранок, а вы отказываете римлянкам в праве стать матерями ваших детей... Вы не такие затворники, чтобы жить

без женщин, — никто из вас не ест и не спит в одиночку. Все, чего вы желаете, — свободы для чувственных удовольствий и излишеств...»

Таким был антимальтузианский идеал, лежавший в основе законодательства Августа. Но оно не нашло решительных сторонников; все сословия уже давно боролись за расширение личных свобод. Принимаемые меры были обречены на неудачу — тем более что все знали: сам принцепс до той поры не заботился о соблюдении строгих моральных норм. Результатом в итоге стало создание дотоле неслыханной системы полицейского шпионажа за самыми интимными подробностями частной жизни и множество браков, заключенных из чисто корыстных мотивов. Сенека говорит: «Что мне сказать о мужчинах, из которых многие женились, приняв имя мужа лишь для того, чтобы насмехаться над законами против безбрачия?» Согласно «Дигестам» (xlviii, 5, 8), мужья зачастую получали доход от неверности своих жен и фактически были их сутенерами. Тацит пишет («Анналы», iii, 25): «Но зато росло число тех, кому угрожала опасность, — ведь каждая семья по навету доносчиков могла подвергнуться разорению, и если раньше она страдала от порчи нравов, то теперь — от законов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.